

18+

ПРЕЛОМЛЕНИЕ

光 の 光

АЙРИС ЭЛЬ

4

Айрис Эль

Преломление. Том 4.
Край темноты

«Издательские решения»

Эль А.

Преломление. Том 4. Край темноты / А. Эль — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-984760-7

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Ниджи уже давно не понимает, что происходит: близкие мертвы, друзья стали врагами, а предложение о помощи со стороны старого знакомого выглядит весьма сомнительным. Борясь с нарастающим безумием, чародейка сжигает мосты один за другим, пытаясь взять свою судьбу под контроль, но ее идеалы уже давно разрушены. Ни МАПМЭ, ни М.А.Г.Е., ни даже Орден Серых Сестер не дадут ответа на самый главный вопрос: что такое — быть магом?

ISBN 978-5-44-984760-7

© Эль А.

© Издательские решения

Содержание

Episode 19. #B385C7	7
Episode 20. #CBA4DB	20
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Преломление. Том 4

Край темноты

Айрис Эль

Иллюстратор Любовь Чугуй
Корректор Александра Полякова
Корректор StrangeCat

© Айрис Эль, 2020
© Любовь Чугуй, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-4498-4760-7 (т. 4)
ISBN 978-5-0050-9394-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
Embrace the darkness that's within me
No hiding in the shadows anymore
When this wickedness consumes me
Nothing can save you and there's no way out

I'm a wildfire you won't tame
Igniting my temper, can't put out my flame
There's no way to contain
This storm swelling inside me

Episode 19. #B385C7

Ваш ребенок...

- 1) ...чувствует себя некомфортно?
- 2) ...испытывает трудности при общении со сверстниками?
- 3) ...говорит «аура», «мана» и «энергетический баланс спектральных сил»?
- 4) ...потерял аппетит?
- 5) ...стойко перенес падение с двадцатого этажа?
- 6) ...иногда летает над землей?
- 7) ...светится изнутри?
- 8) ...случайно взорвал вашу машину?

Если вы ответили «да» хотя бы на три пункта, срочно покажите вашего ребенка специалисту!

Тест «Чудик ли ваш ребенок»

Да, это был Даснор Хант. И он наставил пистолет прямо на нее.

Ниджи не хотела смотреть. На кожу с оставленными ею ожогами, на сухие потрескавшиеся губы, на пятно под скулой – весь вид Даснора наводил панический ужас и, что еще хуже, вызывал отчаянный стыд. Но она не могла отвести взгляд от серых глаз, едва видимых из-за капюшона. Каждая клеточка в ней – магическая и немагическая – пела от радости: он жив, он жив, он жив! Он все же избежал смерти! Во второй раз – с ума сойти можно!

Но, черт подери, он намерен ее убить. Конечно. То, что она сделала, нельзя прощать. Он не знал, что это была не она, а треклятый фиол внутри нее, ведь Ниджи бы никогда в жизни не сделала ему больно... Но он не поверит ей. Все кончено. У него те самые пули из подвала Хайди, которые способны прорывать барьеры. Ее Небесный щит бессилен против этого.

Впрочем, такая смерть ее в каком-то смысле даже устраивала.

Эти и многие другие мысли пронеслись в голове магессы со скоростью света. Ниджи залихорадило. Отчаяние клокотало внутри, кричало кроваво-красными заголовками в ее сознании. Она не знала, что в этот момент отражалось на ее лице, но если бы оно демонстрировало мысли «в прямом эфире», то потребовалась бы экстренная депортация в сумасшедший дом. Тусклый же, традиционно, не выражал никаких определенных эмоций... И от этого было почему-то еще больше.

– Даснор... Прости... – только и могла сказать Ниджи.

– Аой попросила... Разобраться с тобой.

– И ты согласился?

– Да.

– Тогда зачем медлишь?

– Потому что не хочу, чтобы она перепоручила это кому-то еще. – Он поставил пистолет обратно на предохранитель и засунул в кобуру. – Уж лучше соглашусь и буду тянуть, пока не найду способ помочь тебе.

– Ч... Что?

– Вернусь и скажу, что не нашел тебя. Мне вообще просто повезло сейчас. В кои-то веки я счастлив, что тусклый – смог разобрать твой след. Я не хотел пугать тебя... – и прикоснулся к кобуре. – Просто... На всякий случай, если бы ты вдруг захотела снова...

– Я... Я понимаю.

– Я хочу помочь тебе. Но пока не представляю как. Просто... Позволь мне быть рядом. Давай свалим из этого ада побыстрее.

Он подошел ближе и протянул руку. Ниджи не могла понять, хочет ли кинуться парню на шею или унести куда подальше. Да, он был прав, держа ее на мушке: она опасна, а в период душевного волнения опасна втрое! По старой привычке девушка окунулась в сухой анализ ситуации. Решать нужно быстро. Хотела ли она сбежать с ним? Конечно, да! Но готова ли разделить с ним бремя скитаний, когда только-только настроилась на сделку с Сестрами? И если готова, что они вдвоем будут делать? И будет ли Орден преследовать их вместе с МАПМЭ и М.А.Г.Е., которые уж точно не пропустят такое мимо ушей? Она не может покинуть город из-за сканеров, а жить вечно в стенах зачарованного дома не получится. Более того, она была опасна для него самого – кто знает, когда ей возжелается снова обратить его в пепел? Даснор или нет, проклятие остается при ней, и с этим надо что-то делать.

Поднялся ветер. Он донес до магессы запах табака, и она вспомнила Такеши – словно зеркально тому, как ей примерещился Даснор, когда курил следователь. Та грусть в его глазах, боль и тоска по сестре... Нет, она не может отказаться от намеченного. Просто не имеет права. Она обещала помочь – даже если это и был хитрый маневр, чтобы привести ее к Сестрам. Как минимум, ее совесть будет чиста.

Девушка замотала головой:

– Даснор... Это проклятие... Оно все портит. Пожалуйста, не нужно сейчас резких движений. У меня снова появился шанс спастись, я не хочу упустить его.

– Шанс? Какой?

– Я... Тебе лучше не знать. Просто не мешай. Пожалуйста. Я справлюсь сама.

– Что ж, ты права... Я все только порчу, – сказал Даснор осипшим голосом и убрал руку. – Я не должен был тогда приходить в корпус. Все было бы по-другому. Я виноват. Прости меня.

Нет, она правда услышала то, что услышала? Он не только не злится на нее из-за произошедшего, но еще и *извиняется*? Ниджи не понимала, с кем говорит. Одетый в нелепую черную толстовку с капюшоном, более уместную для бандита из гетто, он перестал быть похожим на себя. Голос звучал слишком неровно для безэмоционального Даснора, а движения были более скованными – вместо уверенных, преисполненных гордости и самомнения. Это выглядело настолько оторванным от реальности, что элементаристка только и могла вздохнуть:

– Чудесно.

– Ниджи...

Что-то в его тоне заставило ее сердце забиться в три раза быстрее, хотя, казалось, это уже физически невозможно.

– Что?

– Мне не хватало этого твоего словечка.

– С ума сойти можно.

Даснор усмехнулся и подошел почти вплотную.

– Знаешь... Я бы многое отдал, чтобы вспомнить, как оно было на самом деле.

Даснор улыбался. По-своему, но улыбался. То была не широкая ухмылка Черта или едва заметная полуусмешка Такеши, но улыбка, ставшая кратким итогом прошедшего месяца. Чуть вскинутые брови, по-прежнему плотно сжатые губы, уголок рта приподнят – подобное выражение лица присуще тем, кто столкнулся с иронией судьбы и понял, что воевать с ней бесполезно.

– Ты... Ты о чем?

– Ты знаешь.

Она нервно сглотнула. Нет, нет, нет, нет, нет. Если так и дальше пойдет, то не более чем через минуту тот самый орган, занимающийся прокачкой ее искаженной крови, вырвется из груди и поскачет по улице. В качестве защитного механизма Ниджи взяла привычную грубость:

– Понятия не имею.

– Ты все еще держишь меня за идиота. – Казалось, Даснору было больно говорить. – Но я ведь понимаю, что произошло.

– Прекрати... – прошептала Ниджи. Еще слово на эту тему, и она точно разревется или накинется на него, хорошо если просто с кулаками. – Я опасна, я плохо себя контролирую, а ты сейчас все нервы из меня вытянешь. Ты ведь не хочешь умереть в третий раз, да?

– Мне все равно, я уже достиг дна, – продолжил тусклый. – Опозорил свою команду. Убил собственного брата. Отогнал от себя лучшую девушку. Я заслужил эту смерть от тебя.

– Замолчи.

– Я хочу извиниться, но из-за прыжков во времени я не помню, за что. – Даснор сжал кулаки. – Я понял, что, наверное, обидел тебя. Знаешь, я... Я всегда считал, что мне не нужно делать дополнительных усилий, чтобы показать, что я чувствую. Что другие в состоянии понять меня и без объяснений или каких-то демонстраций. Я думал, что моей заботы о других достаточно. Конечно, это было ошибкой. Мой отец прав, говоря, что я полный дурак и ничего не понимаю в этой жизни.

– Твой отец несет полную...

В мгновение ока небо затянули плотные, угрожающие тучи. В нескольких кварталах ударила молния, а потом еще и еще, раздался грохот. Если бы это было начало третьего акта фильма про апокалипсис, режиссер получил бы высшие оценки критиков. Но то была реальность – и Ниджи задрожала. Она почувствовала силу этой проклятой магии даже с такого расстояния.

– Фиол...

– Тот самый, разыскиваемый, – Даснор цокнул языком и рванул обратно на улицу, держась за переговорник. – Отряд, слышите меня? Саймон Хиллз в районе двадцать шестой авеню. Выдвигаемся туда.

Ниджи рефлексивно последовала за ним. Тусклый схватил шлем с припаркованного неподалеку байка – магесса поняла, что именно этот старомодный агрегат издавал те кашляющие звуки у метро.

– Я тоже поеду, – сказала она.

– Тебе не стоит сейчас показываться. А мы уж как-нибудь справимся. Сейкред не отзывается, так что, надеюсь, новый экзорцист Ассоциации нагибает не только на арене...

Он откинул капюшон и резво натянул шлем на голову. Сердце Ниджи заныло, когда она увидела, что Даснор лишился своих прекрасных черных волос.

– Я помогу тебе. Обещаю! – крикнул он и умчался в сторону безумствующей стихии.

~~~

На этот раз Ниджи заранее почувствовала приближение Серой Сестры. Она знала, что это была Андреа, а значит, бояться нечего. Все происходит так стремительно... Что ж, тем меньше времени на рефлексию и сожаления, что она не согласилась сбежать с Даснором в закат.

– Снова ты, – буркнула магесса, когда культистка приземлилась рядом с ней.

– Не хотела прерывать столь романтическую сцену, – ответила Андреа, и Ниджи подавила яростное желание сжечь послушницу дотла. – Но перейдем к делу. Идзуми сказал, что ты приняла наше предложение.

– У вас интересные методы убеждения... Посмотрим, что из этого выйдет.

– Отойдем.

Андреа повела магессу куда-то глубже в безлюдные дворы.

– Должна предупредить тебя об одном нюансе, перед тем как мы отправимся. Любой, кто видел *наше* место и попытается рассказать о нем тем или другим способом, умрет на полуслове. И это заклятие, с которым невозможно спорить.

– Так вот как вы скрываетесь.

– Именно. Так что у тебя есть последний шанс отказаться.

- Мне уже нет смысла... – Ниджи поморщилась. – Но есть условие...
- М-м-м-м?
- Я не буду носить ваши серые тряпки.

Андреа рассмеялась и взмахнула руками. Перед магессами прямо в воздухе появился портал – похожий на тот, что вел в потусторонний мир фиолов. По центру кружилась тьма, и изнутри что-то призывно журчало. Ниджи отпрянула, уже менее уверенная в своем решении.

- Что это за магия? – с сомнением произнесла она. – Желтая? Синяя? Фиолетовая?
- Она не имеет цвета, Ниджи Мурасаки. И совершенно безопасна. Вперед!

Девушка аккуратно просунула руку в искаженный воздух, словно хотела вытащить что-то с полки. Но энергия тут же засосала ее внутрь помимо воли.

~~~~

Когда Даснор добрался до пересечения 26-й авеню и 75-й стрит, уже порядочно стемнело, а беглый фиол успел дойти до терминальной стадии. Локальный апокалипсис нарастал со смертоносной быстротой. Несколько гражданских лежали на земле – убитые или без сознания, и из-за беснующихся шаровых молний к ним нельзя было подобраться. Часть припаркованных машин накалилась, то тут, то там раздавались взрывы. По ближайшим зданиям ползли трещины, а магазины на первых этажах занялись огнем. Вывески искрились, электронные устройства в руках прохожих тоже взрывались, и люди в ужасе выкидывали их подальше.

В центре беснующейся грозовой стихии стоял фиол – исполинский голем, изрезанный пурпурными линиями. Он посылал электрические разряды вокруг без какой-либо системы, освещая улицу сквозь наступающую ночь, и явно не контролировал себя. Тучи нависали над ним так, словно небо было готово вот-вот обрушиться.

Посреди дыма Даснор разглядел Аой и Такеши, стоящих на относительно безопасном расстоянии от эпицентра. Фиола пытались атаковать другие члены спецотряда, изо всех сил избегая ударов стихии. Обезумевший голем собрал вокруг себя водоворот из разрядов, тем самым отрезая нападающим путь: пробраться через такую лавину энергии было просто невозможно. Мало кто из них имел дело с магией электричества, но они знали: один заряд способен убить моментально, никакой лекарь не поможет.

- Аой! – крикнул тусклый, подбегая к опергруппе.
- Дело плохо, Даснор, – ответила небесная. – Сколько ваших можно ожидать?
- Черт на подходе. Виктор тоже где-то рядом.

– Пока мы не можем прорваться через защитный барьер, – сказал Такеши, глаза его горели изумрудным светом. – Нам нужен или более сильный экзорцист, чем Джессифер, или другое решение.

– Тебе лучше уйти, Даснор, – произнесла Аой. – Этот фиол слишком силен. Не в твоём состоянии сейчас...

- Вечно ты не веришь в меня, тетушка.

Тусклый вытащил пистолет и выстрелил прямо с места, где стоял. Он уже видел, как это действует: от пуль Хайди жертва теряет контроль над энергией, становясь уязвимой. Сработало безотказно. Первый выстрел заставил молнии вокруг фиола расплестись, а второй задел открывшееся плечо голема, и он взревел от боли. Даснор перестал палить, но держал пистолет поднятым.

- Прелюбопытное новшество. – Такеши поправил очки.
- Даснор, у тебя есть еще эти штуки? – спросила Аой.
- Увы, мой отец не слишком щедрый. Остались только обычные пули.
- Значит, действуем по старинке. Отряд, атакуйте немедленно, ослабьте его для изгнания! Идзуми, примите командование.

Она взмахнула мечом, обновив на магах защитные ауры – и про племянника тоже не забыла. Зола, поддерживаемый магией Джесси, бросился вперед с двуручным мечом напе-

ревес, и фиол послал в него пучок молний. Силач даже глазом не моргнул – наоборот, провоцировал нападать только на него, создав вокруг себя силовую броню. Элио и Элиа, окруженные чарами Аой, тоже напрыгнули на фиола, лихо уклоняясь от шаровых молний. Они снова обрели ту невероятную синхронизацию и действовали идеально. Лекарь был недалеко от них: Джесси не только помогал товарищам, но и сам посылал в сторону фиола магические разряды со своего меча, Милосердия Богини. Порой он слишком увлекался атакой и не следил за друзьями. Пару раз Золе крепко прилетело, но в последний момент Джессифер исцелял его практически мгновенно. Все же не зря говорили, что этот Омниус – самый быстрый из духовных магов.

В разгар битвы послышался топот и знакомый бодрый голос:

– Мрачный, мы успели на банкет?

– Можно было бы и побыстрее.

К троице подбежал целитель в шапке с кошачьими ушками. Рядом спешила призывательница, чей полупрозрачный синий демон уже кинулся помогать магам.

– Хитоми? – лидер группы удивленно подняла бровь, увидев их с Чертом вместе. Она явно желала услышать объяснения про опоздание.

– Мы просто в кино были... Воскресенье же... – зарделась та.

– Не досмотрели, между прочим, «Тайную жизнь домашних андроидов», – буркнул лекарь.

– В этом фильме ровно три с половиной смешных момента, и те в начале, – отметил Идзуми, – так что вы ничего не потеряли.

– А, ну ладно тогда. – Черт кинул исцеляющий комок энергии в виде сердечка в содрогнувшегося от ран Золу и крикнул Джесси: – Эй, Лохматый, не урони этого гада, он нужен мне живым!

– Не учи меня, отброс! – огрызнулся тот в ответ и зарядил фиолу в лицо магическим шаром.

Терминальная стадия давала поработавшему много энергии, и он мог сопротивляться даже смертельным для обычных людей ранениям. Но сильный магический напор ослабил грозного монстра настолько, что сенсей решил – пора.

– Джесси, приступай!

Тот вскинул меч, и позади экзорциста загорелся знакомый всем магический символ. Красные волосы парня беспорядочно метались, на лице проявилась неконтролируемая кровожадность. В том, как Джесси читал молитву, не было вкрадчивости Сейкрема: он орал слова так, словно хотел выплюнуть легкие. В то же время в его крике слышалась невероятная, всепоглощающая сила.

– Заблудшее дитя, мы знаем твою боль. Проклятый Матерью Света, ты обречен вечно нести бремя ее гнева, и твоя кара – расплата за тщеславие твоего праотца! Так освободись же, невинно оскверненный, из лап тьмы и узри свою настоящую судьбу, мать твою!

Милосердие Богини источал свет такой невыносимой яркости, что всем пришлось отвернуться или прикрыть глаза. Фиол не иссох – он взорвался, и кровавый дождь окропил часть магов. Джесси замер на месте.

– И пусть Свет укажет тебе дорогу, да, – резюмировал экзорцист уже более спокойным тоном.

Пурпурная кровь неспешно стекала по его лицу, новенькая униформа была безнадежно запачкана. Джесси вытянул руку с пальцами-имплантами и поймал в ладонь несколько последних летящих с неба капель. Он поднял взгляд на лунный свет, который начал пробиваться через массивные тучи.

– И это то, чего ты хотела, Мать? – заорал Джесси из последних сил.

Небо не ответило ему, и маг засмеялся, прижав окровавленный кулак к груди. Сначала пара смешков, потом неудержимый, неестественный хохот, от которого мурашки побежали бы даже у тех, кто привык видеть его торжество после выигранного матча на Олимпиаде. Но эта битва была другой. Настоящая борьба не на жизнь, а на смерть. И он выиграл ее. Это принесло ему в сотни, тысячи раз больше ощущений. Джесси запрокинул голову и раскрылся, словно хотел, чтобы сама богиня спустилась сверху и обняла его. Он был совершенно, безоговорочно счастлив.

– Да это же просто чума!

Элио и Элиа обнялись покрепче, а Зола задумчиво почесал лысину. Черт на заднем плане вздохнул:

– И эти люди считают *меня* сумасшедшим?

~~~

Вокруг пахло лесом и цветами. Когда под ногами почувствовалось что-то более-менее плотное и надежное, Ниджи рискнула приоткрыть глаза и застыла в недоумении. Она ожидала увидеть что угодно, но не идиллическую картину, ожившую иллюстрацию к историям про райские кущи: солнце игриво выглядывало из-за облаков, освещая прекрасный сад, засаженный клумбами и ветвистыми деревьями. Где-то вдалеке пели птицы, рядом в камнях журчал бойкий ручей.

– Это что, иллюзия? – спросила Ниджи, озираясь.

– Это наш дом.

Элементалистка подпрыгнула, услышав голос Гекаты. Та стояла рядом с Ниджи на ухоженной, вымощенной брусчаткой дорожке. Андреа отвесила легкий поклон госпоже и вихрем унеслась в неизвестном направлении.

– Удивлена? – усмехнулась Геката. – Думала, мы днюем и ночуем в мрачном подвале, заставленном облупившимися статуями Матери Света?

– Что-то вроде того. – Ниджи не давала себе потерять бдительность.

– Конечно, у нас есть места и более, так сказать, классические... В *той*, реальном мире. Временная база, где Серые Сестры проходят испытательный срок. Однако ты, конечно, особенный случай.

– Так где мы?

– Когда я сказала, что это наш дом, я имела в виду не только Сестер, но и всех магов. Мы находимся... Скажем так, между мирами. Орден обосновался в этом месте несколько тысяч лет назад, чтобы быть ближе к Матери, и сейчас оно существует силами нашего коллективного сознания. Но оно вполне реально. Можешь сама потрогать и попробовать все, что захочешь. Только вон ту ягоду не ешь – она вызывает изжогу.

Ниджи принялась к розовому кусту. Пахло сильнее, чем в цветочном магазине! Если это и была иллюзия, то по мастерству она сильно превосходила даже тот правдоподобный парк развлечений, в котором магессе довелось находиться. Не скрывая удивления, она во все глаза смотрела на окружавшие ее яркие краски.

– Этот мир теперь и твой тоже. – Геката двинулась по дороге, и Ниджи засемила за ней. – Надеюсь, сестра Андреа предупредила тебя, что теперь ты не сможешь никому рассказать о нем? А чтобы возвращаться сюда, нужно пройти через специальный ритуал, который «привяжет» твое сознание к этому месту. Тогда ты сможешь открывать портал сюда, где бы ты ни находилась.

– Чудесно. Прямо как в играх.

– Это не игры, Ниджи Мурасаки. Это – *настоящая* магия. Не те простенькие фокусы, которым вас учат в Академии.

Они продвигались по дорожке посреди пышных зеленых изгородей, приближаясь к небольшому комплексу белоснежных ротонд, обвитых плющом. Между конструкциями

и внутри них передвигались – нет, скорее парили! – девушки в серых плащах, больше похожие на нимф, чем на наемных убийц. Одна из сестер с маской на глазах сидела внутри павильона с коваными цветами и держала в воздухе светло-зеленую полупрозрачную сферу. Рядом стояли две другие послушницы и что-то обсуждали.

– Сестра Райан слепа, но она отличный тауматург, – объяснила Геката, заметив взгляд Ниджи. – Она рассказывает нам, где скрывается цель, – даже не имея личного предмета. Сестра Райан не попала в Академию: там посчитали, что она не справится с обучением из-за своего недуга. Мы забрали ее и привели сюда – в место, где можно воспринимать реальность изнутри, не полагаясь на зрение.

Сложно было поверить в то, что Серые Сестры могут кому-то помочь, но Ниджи вежливо смолчала. Внезапно она вспомнила о Хайди – архивщице М.А.Г.Е., тоже зеленом маге.

– Может ли другой тауматург найти кого-нибудь здесь?

– Думаю, это невозможно – по крайней мере, на том низменном уровне магии, которым овладели наши современники. На самом деле, здесь все очень... Нестатично. Местное окружение целиком соткано из волшебства, как и в чертогах Богини. Эта нестабильность существенно затрудняет поиск.

Глава Ордена и ее гостя прошли мимо площадки с мишенями, стоящими в нескольких футах друг от друга. Одна из Серых Сестер выставила левую руку вперед, и татуировка, обвившая ее всю от запястья, загорелась. Правой она изящным движением провела вдоль ладони и обратной стороны предплечья – и через несколько мгновений послушница уже натягивала тетиву лука, появившегося из магической пылицы вслед ее движениям.

– Здесь каждый из нас может управлять миром, делать его таким, каким он хочет его видеть. Изменять пространство вокруг себя, устанавливать свои собственные правила. Можно обучиться всему, на что только способна фантазия.

Ниджи хотела было сказать, что трудно придумать что-то старомоднее, чем лук, и автомат был бы куда сподручнее, но тут же снап дюжины стрел поразил все мишени точно по центру, пробив дерево насквозь. Сестра взмахнула рукой, и стрелы растворились в воздухе, а мишени залатали себя обратно. Шутку про автонаведение Ниджи тоже решила оставить при себе.

– Сестра Фиона – превосходная охотница, – сказала Геката. – Ей даже удалось перенести частичку новых сил за пределы этого мира.

– Вся эта магия работает только здесь?

– Отчасти. Если полученные способности соответствуют твоему предназначению – потенциалу клеток спектра, как сказали бы ученые, – то это вполне возможно. Но границы между оттенками все еще строги. Наш род забыл, если вообще когда-либо знал, как это – колдовать по-настоящему. Именно этой магии немота испугалась настолько сильно, что она до сих пор под запретом. – Геката направилась к мосту, перекинутому через небольшую реку. – С утраченным наследием нам понадобятся столетия, чтобы освоить волшебство в его первоначальном виде. Но мы ждем своего часа. Это и есть миссия нашего Ордена: хранить древнее искусство, чтобы однажды возродить его вновь.

– И как это связано со мной?

– Не все так быстро, Ниджи Мурсаки. Ты знаешь о мироустройстве еще очень мало, чтобы сразу осознать то, что от тебя потребуется. Кроме того, ты еще не вступила в Орден, так что я не имею права тебе рассказывать. Однако...

Они добрались до не очень глубокой реки – через прозрачную чистую воду можно было рассмотреть усеянное овальными камешками дно. В нескольких шагах был перекинут небольшой мост между двумя берегами, такой же белоснежный и украшенный коваными цветами, как и ротонды. Где-то вдалеке шуршал водопад: поток ниспадал с высоких, почти загораживающих солнце гор. Магессы направились к переходу, и по бокам от тропинки Ниджи заметила

площадку из разноцветной мраморной мозаики. Изображенные на ней сюжеты были ей едва ли знакомы, но образ богини она определила сразу.

– Ты знаешь легенду о зарождении магии? – спросила Геката.

– Разумеется.

Все маги с детства знают ее наизусть. Семь людей вошли в Чертоги Матери, и она ода-рила их особенными умениями. Фиолетовому «повезло» больше всех, и теперь Ниджи вкушает плоды этого наследия.

– Так вот. На самом деле эта история сильно искажена.

– Серьезно?

Голос Ниджи был полон сарказма. Не то чтобы она верила в эту сказку – да и вообще любые разговоры околорелигиозного толка раздражали ее. Магесса всегда считала, что нали-чие клеток спектра можно более или менее полноценно объяснить наукой, а теория о боже-ственном происхождении – так, для поддержания морали. Она родилась в век, когда боль-шинство воспринимало магию как специфические законы физики: зачарование предмета считалось столь же обыденным явлением, как превращение воды в лед под воздействием низ-кой температуры. Просто кто-то давно договорился, что в мире все работает подобным обра-зом – и оно продолжает работать. Кто именно этот «кто-то», она не особенно задумывалась.

– Начнем с того, что Матерь Света не богиня в обычном смысле этого слова. – Геката ступила на мост. – Она не создавала этот мир, она пришла в него на заре нашей цивилизации из другого, где магией владел каждый. Она, можно сказать, породила с помощью волшебства Семерых Посланников, которые помогли ей распространять Свет. Да, семь героев существо-вали, но изначально они не были смертными. Они *уже* обладали способностями, недоступ-ными обычным людям.

Вдалеке у водопада Ниджи увидела скалу, над которой торчал кусок причудливого судна. Она не могла назвать его старомодным или древним – скорее, просто не из нашего мира.

– Матери больно было смотреть на немощ людей. Слабые и безвольные, они ничего не знали о Свете. И они боялись. Боялись магии и не хотели признавать ее. Новые знания пугали их...

Они перешли мост и по мощеным улочкам направились к зданию с колоннами, похожему на небольшой античный храм, но при этом с куполами. Туда же шли и эпизодически появ-лявшиеся на пути другие послушницы. Перед зданием росло раскидистое дерево, и Ниджи сразу подумала о типичной столице какого-нибудь эльфийского государства с древом жизни на главной площади.

– Но миссионеры встретили отпор, – продолжала Геката. – Немощ видела в них лишь врагов. Разразилась война... И Семеро решили укрыть Матерь в безопасном месте, попасть в которое можно только с помощью их артефактов. А мы – их потомки, со временем лишив-шиеся чистой магии и довольствующиеся только каким-либо оттенком спектра.

– Откуда вы все это знаете?

– Зона, в которой мы сейчас пребываем, и является изначальным местом обитания Богини и ее свиты. Тут много вещей – свидетельниц той эпохи. Кроме того, здесь прекрасно слышен голос Матери. Орден столетиями собирает ее историю по крупицам.

«Сумасшедшие фанатички», – подумала Ниджи. Если закрыть глаза на то, что сейчас они действительно находятся в каком-то малореальном месте, все звучит не особенно правдо-подобно. Да и были ли семеро героев и какими именно – какая разница?

Внезапно Геката остановилась, прижав пальцы к уху. Переговорное устройство. Она про-слушала сообщение, ответила: «Понятно, жду на центре» – и сказала гостье:

– Придется задержаться на пару минут. Срочное дело, отлагательств не терпит.

Ниджи развела руками, мол, делайте что хотите. Довольно быстро к магессам подлетели две сестры, тащившие под руки еще одну, которой явно было не очень весело. Послушницы

грубо швырнули ее на брусчатку и были таковы. Сестра приняла умоляющую позу, которую в восточном сообществе посчитали бы демонстрацией величайшего раскаяния. Геката медленно повернулась к культистке и произнесла:

- Сестра Розалин.
- Да, моя госпожа. Я подвела вас, моя госпожа.
- Скажи мне, сестра Розалин, в чем заключалась твоя задача?
- Найти и убить торговца зачарованными ножами, моя госпожа.
- Что помешало тебе сделать это?
- В комнате с ним был ребенок... Я не смогла. Простите меня.

Ниджи будто ударило током. Она смотрела на молящую о пощаде сестру и каждой клеточкой чувствовала ледяную ненависть Гекаты. Это не могло кончиться чем-то хорошим.

– Это мое первое задание... Я знаю, что теперь недостойна служить вам, но прошу, поймите, мне хотелось отвести мальчика куда-нибудь подальше и затем...

– Не нужно оправданий. Задача не выполнена. Как думаешь, сколько людей из-за твоего промедления теперь получают обманом созданные клинки, в которых заключена частичка силы нашей Матери? Сколько людей успеет погибнуть от магически закаленной стали против Ее воли?

– Я не знаю, госпожа. Но я сожалею о том, что произошло. Больше я никогда вас не подведу, клянусь!

– Вот уж действительно. Никогда.

В мгновение ока Геката приставила руку к животу, воссоздала в ладонях свое грозное оружие – двухстороннюю глефу – и взмахом отрубила послушнице голову. Ниджи едва успела зажмуриться и какое-то время так и стояла с закрытыми глазами. Внезапно ей подумалось, что будь она в фильме или книге, то обязательно бы вмешалась. Встала на защиту того, кому не хотелось травмировать душу ребенка. Уговорила бы Гекату не совершать эту казнь и не разбрасываться членами культа.

Но она этого не сделала. Не вмешалась, не встала на защиту и не уговорила пощадить. Как бы ни кричали в ней ужас и негодование, Ниджи просто стояла, съежившись от чудовищного холода, исходящего от Гекаты. Она не боялась, что когда-нибудь и ее голова также покажется по тротуару, но все же цепенела перед своей будущей госпожой, словно та одним лишь присутствием могла подавлять чужую волю. Пока Ниджи решала, корить себя за малодушие или все же впрямь не стоило разыгрывать из себя героя, тело мертвой сестры взлетело в воздух желтым пеплом, и картина вновь стала приторно-идиллической. Ниджи напомнила себе, что какой бы внешний рай ее ни окружал, на самом деле она стоит прямо посреди ада, и то ли еще будет.

– Не хотела пугать тебя, – Геката улыбнулась краешком рта, рассеивая свое оружие, – но зато ты теперь представляешь, что ждет тех, кто не следует моим приказам и воле Матери. Пойдем.

Поднявшись по длинным ступенькам, они вошли в храм. Внутри было темно и прохладно. Несмотря на то что снаружи здание казалось довольно небольшим, изнутри оно выглядело в несколько раз просторнее. Колонны уходили в черную туманность, магическими облаками клубившуюся в месте, где должен был быть потолок. Члены Ордена постепенно собирались в зале напротив входа. Одна из фигур в серых плащах спешно подошла к Ниджи, и знакомый голос бомбой разорвал тяжелую тишину:

- Ниджи! Я рад, что ты в порядке!
- Рэм?!

Он откинул капюшон с лица. Это действительно был ее друг собственной персоной. Немного осунувшийся, в непривычной одежде и без очков – но все-таки он!

– Рэм... Ты... Ты жив!

– Все хорошо, Ниджи, я в порядке.

Руки ее тряслись, но она почувствовала невероятный прилив облегчения. И Даснор, и Рэм были живы – это казалось ей фантастикой покруче этого сотканного из магии мира или как там правильно. Она бы даже обняла его от счастья, но шок от только что увиденной казни словно заставил Ниджи забыть, как обычно функционируют люди. Да и обида из-за предательства все еще жила в ее сердце, и она сомневалась, что эту рану можно когда-нибудь залечить.

– Что ты тут делаешь, Рэм?

– Долгая история... Я просто хочу сказать, что... Все, что будет происходить дальше, – очень серьезно. Верь тому, что они говорят.

– Знаешь, когда мне говорят кому-то верить, мне хочется поступить строго наоборот.

– Да, но не в этом случае. Ты скоро сама все увидишь и узнаешь. Это очень важно, Ниджи. Мы многое не понимаем из настоящей магии, но... Пожалуйста, делай все так, как они скажут.

Радость Ниджи как рукой сняло. Рэм стал вести себя как культист с промытыми мозгами, и ее тошнило от этого. Да он даже никогда магом не был, а теперь рассказывает ей, что она-де ничего не понимает. Но дискуссия не состоялась: Геката всем видом показывала, что времени на болтовню нет.

– Мы поговорим позже, Ниджи. – Рэм накиннул капюшон обратно. – А пока тебя ждет Посвящение. Это не больно. Но немного громко.

~~~

– Как ты мог упустить ее? Я антимагические пули тебе на что дал? Чтобы ты потратил их на фиола, до которого нам нет дела?

– Но у нас есть запрос на него. Он бы уничтожил полквартала. Черно-белые не справлялись. У них новенький экзорцист, им пока еще...

– Значит, надо было позвать кого-нибудь, раз ты не в состоянии справиться с Мурасаки сам, – перебил Файбер. – Та же Санни с радостью открутит ей голову и не будет отвлекаться на всяких беглых проклятых. Нам важно, чтобы последний удар был твоим – больше от тебя ничего не требуется.

«Молчи», – приказал себе Даснор. Не время перечить отцу и вступать в полемику – он и так уже лишил его права командования. Еще самостоятельно отправится на поиски Ниджи, а его заставит выстрелить, чтобы по закону воспользоваться Правилем Первой Крови. Нужно быть осторожнее.

– Хайди, что там у тебя?

Лохматая архивщица внимательно вертела перед собой так и сяк странную сферу, освещавшую подвал бледно-зеленым. Но даже впившись в нее глазами, она не находила нужного:

– Ничего, босс. Решительно ничего. Мурасаки невозможно обнаружить и... Симптомы изменились.

– Поясни?

– Раньше при попытке определить ее местоположение моя магия возвращалась обратно – то же самое было и с Фрейей... Единственный сигнал, который удалось получить – тот, за которым сегодня отправился Даснор. Здесь же... Магия улетает в никуда. Растворяется. Исчезает. Блокируется. Пффуф!

– Это сейчас серьезно? Похоже, ты совсем потускнела. Не мог человек исчезнуть в никуда.

– А что если ее забрали Серые Сестры? – встрял Даснор. – Возможно, они держат ее у себя, в скрытом убежище? И это мешает нам найти ее?

– Да, очень может быть, – почти пропела Хайди. – Что вы заладили со своим «потускнела»-то? Я в полном порядке!

– Если я прав, Сестры не отдадут свою добычу просто так, – констатировал тусклый, старательно пряча волнение. – Отец, ты ведь не знаешь, что они собираются с ней делать?

– Никогда этим не интересовался, да и вряд ли бы мне рассказали. Хорошо бы они пустили ее на органы... – Глава М.А.Г.Е. был мрачнее тучи. – В любом случае, пока что сворачиваем активные поиски. Вот уж воистину: хочешь, чтобы было сделано хорошо, – сделай сам.

– Мне очень жаль, отец...

– Да ничего тебе не жаль. Я знаю, что ты все еще привязан к этой девчонке. Как был бесполезным, так и остался.

Даснору пришлось по-настоящему прикусить язык, чтобы не нагрубить в ответ. Файбер повернулся к сыну и заявил:

– Если судьба будет благосклонна и мы встретим Ниджи Мурасаки еще раз... Я пойду с тобой и лично пронаблюдаю, чтобы ты выполнил задание. Все понятно?

– Да, отец. – Даснор спросил себя, не слишком ли много ненависти с его стороны все же вышло на поверхность.

– Хайди, держи меня в курсе. Если появится сигнал Мурасаки, дай знать сию же минуту.

– Окей, босс. – Она покрутила рукой, и зеленая сфера пропала, погрузив подвал в привычный полумрак.

~~~~

Несколько дюжин человек встали по периметру зала, по центру которого высилась статуя Матери Света – такую же можно найти в любом святилище, но было и кое-что необычное: фигуру окружили комочки энергии, переливающиеся всеми цветами спектра. Большинство из них вертелось будто бы по орбите вокруг головы статуи, создавая ей своеобразный нимб. Непривычны были и семь фигур, расположенные вокруг многокрылой, – те самые защитники, пришедшие из другого мира. Ниджи всмотрелась в мраморных посланников и поняла, что все они были бесполоыми. Один из них походил на скульптуру, стоявшую с Богиней Света в подземном святилище, где они нашли щит. От этого Ниджи стало не по себе, словно она увидела дурное предзнаменование.

Женщин в зале было значительно больше, чем мужчин, однако элементаристка успела заметить несколько Братьев. Рэм выбился в первый ряд и подавал ей сигналы, которые она не была в состоянии расшифровать. Геката вывела Ниджи к центральной статуе и встала рядом. Инструкций у девушки никаких не было, поэтому она лишь с замиранием сердца слушала речь главы Ордена:

– Сегодня мы с особой гордостью принимаем в свои ряды сестру Витторию – представительницу древнего самурайского рода, элементарного мага фиолетовой крови.

Ниджи едва ли не прыснула со смеху – это они серьезно хотят дать ей имя основного персонажа в онлайн-игре? Конспирация высокого уровня, не иначе. Но веселиться пришлось недолго: вокруг послышался гневный ропот. Вряд ли кто из Сестер решился бы открыто высказаться против наличия фиола в своих рядах, но неодобрение явно чувствовалось в их перешептываниях.

– Тишина! Да, она была проклята, – продолжила Геката, – но это не значит, что мы боимся ее. Сестра Виттория – такая же, как и мы с вами. Более того, она сильнее многих из нас. Она носительница силы легендарного артефакта, и поэтому станет одной из Освободителей. Получив Щит Богини, мы как никогда близки к завершению нашей Великой Миссии!

Ниджи не была в курсе, что это значит, но культистки явно одобрили такой поворот событий. Или они впечатлены, что у нее есть сила артефакта? Неясно. Магесса посмотрела на Рэма, и тот едва заметно поднял большой палец вверх в качестве поддержки.

– Проклятые – одна из причин, по которым мы отправляемся завершить Великую Миссию наших предков. Во времена Матери не было проклятых и не-проклятых. Настоящая магия – белая и чистая, бесконечная и всемогущая. Мы обязаны вернуть ее, напомнить человечеству, что такое быть магом!

Все согласно загудели. Ниджи хотела бы, чтобы это все было наигранно и демонстративно, но культистки явно были настроены серьезно. От этого становилось неуютно – примерно как когда ты единственный трезвый на вечеринке алкоголиков.

– Скажи, сестра, готова ли ты посвятить свою жизнь великому делу и беспрекословно слушаться главу Ордена, Гекату, кем бы она ни была?

По спине Ниджи побежал холод. Пути назад нет. Даже если она сейчас откажется, никто не выпустит ее отсюда живой. Пересохшим от волнения голосом она произнесла:

– Да.

– С этого момента сестра Виттория становится новым членом Ордена, служащего во имя Матери Света!

Ниджи плотно сжала губы, почувствовав, как ее обволакивает странная энергия. Перед глазами все слилось в аморфную серую массу. Геката подождала, пока одобрительный шум приутихнет, и продолжила:

– А теперь, вопреки традициям, вместо Гимна Свету мы исполним Молитву о Потерянных Детях, чтобы продемонстрировать Сестре поддержку всего Ордена. И пусть Свет укажет ей дорогу.

«А это еще что за чушь?» – только и успела подумать Ниджи, как Геката запела. Голос ее был робким и нежным – так дети исполняют госпелы в церкви. Магесса застыла, и мурашки побежали по ее телу с первой строчки.

*Слышишь, дети стонут?
Горечь в голосах.
Их молитвы тонут
В полных боли небесах.
Кровь другого цвета
Льется в жилах их,
Слышишь, Мать Света,
Их предсмертный тихий крик?*

Ниджи почувствовала, как звуки вибрируют у нее в подкорке. Она заметила, что по залу стала летать магия – едва-едва видимая, словно пыль в солнечном свете, а огоньки у статуи стали гореть ярче. Кто-то на заднем фоне затянул мычание, постепенно разветвляющееся в многообразии полутонов а капелла.

*В пламенном забвеньи
Их горят сердца.
Из порочных звеньев
Выкована их тюрьма.
Просим мы спасенья,
Жаждем мы ответ.
Долгий путь к прощенью
Пусть укажет Чистый Свет.*

Голоса нарастали, отражались от стен храма, укутывали Ниджи в приятное несуществующее одеяло. Она приказала себе не теряться – наверняка такие песни используются в сектах для погружения в транс. Но сопротивляться было сложно: уж больно проникновенно получалось у Сестер. И все громче и громче, трагичнее и трагичнее. Ниджи поняла, что это не просто оккультная песня. Это действительно магия, обволакивающая тебя, настраивающая, ведущая.

Если обычная музыка имеет здесь столько силы, то страшно подумать, какой мощью может обладать все остальное.

*Горн взывает, слышишь?
Эхом пляшет звук.
Каждый хочет выжить,
И врагом стал близкий друг.*

Ниджи украдкой посмотрела на Рэма, молитвенно сложившего руки у груди. Он глядел на нее с верой – верой, что все будет хорошо. Если даже он не потерял надежду... Возможно, стоит попробовать то, что предложат ей эти культистки. Да и был ли у нее теперь выбор?..

*Небо не на месте,
Близится гроза.
Нам не страшно вместе,
Руку протяни, Сестра.
Просим мы спасенья,
Жаждем мы ответ.
Долгий путь к прощенью
Пусть укажет Чистый Свет.*

Все стихло. Ниджи слышала свое сердцебиение. Цветные огоньки по-прежнему кружили в воздухе, но больше никто и ничего не шевелилось. Девушка приросла к своему месту, словно потеряв способность двигаться. Поэтому она даже не дернулась, когда заметила, что Геката застыла с протянутой в ее сторону рукой – она сделала это еще на соответствующей строчке. Повинуясь какому-то безумному решению в своей голове, Ниджи скинула с себя оцепенение и взялась за ладонь главы Ордена – она была ледяная, словно у самой смерти.

Геката улыбнулась своими ярко-красными губами, из-под ее капюшона сверкнули морозящие душу небесного оттенка глаза.

– Добро пожаловать домой, сестра Виттория.

Episode 20. #CBA4DB

«Источник из Ассоциации, попросивший остаться неизвестным, утверждает, что преступник сбежал в результате халатности сотрудников службы безопасности корпуса – и это далеко не единственный попавший на свободу преступник за последний месяц. <...> Цена любой ошибки МАПМЭ очень высока, а когда дело касается беглых фиолов, то высока втройне. Если проклятый маг испепелит вас по дороге домой, вы знаете, кому предъявить претензии, – но будет уже несколько поздно».

Из статьи Катарины Райс «Шокирующая правда об инциденте на 26-й авеню».

7 декабря 2025

Холод, холод невероятный.

Кровь от сотни порезов щиплет кожу на этом лютном ветру. Тяжелое дыхание. Погоня. Ненависть. Решимость. Но тянущей в небытие боли в груди еще нет.

Перед ним – такой же тусклый, как он сам. Немоощный. У него в руках оружие и амулет времени. Ситуация явно в его пользу.

Красная пелена перед глазами. Убаюкивающая темнота. Луна подсматривает в окно, но вряд ли что-нибудь видит. Но он чувствует. Теплые руки. Пальцы сплетаются. Губы мягкие и сладкие: запах тела дурманит все больше и больше.

Он падает в бездну – и вот в сердце уже живет страх. Страх потери, страх неудачи. Боль от прошлого. Сильная, обжигающая. Он слабо помнит этого мужчину, но совершенно точно знает, кто это. Призрак. Сумасшедший. Просит его о невозможном. Говорит о матери. Обвиняет во лжи.

Ложь... Он бы рассказал брату, если бы только вспомнил. Но его больше нет.

Он проснулся. Еще не начало светать. Смутные картинки из того самого дня медленно растворялись в воздухе, словно дымка. Даснор тяжело вздохнул, на сердце его лежал многофунтовый груз. Он по-прежнему плохо помнил события с того момента, когда решил взять на себя ответственность и все перевернуть, отмотав время. Он никогда и ни для кого не делал этого. С того самого рокового дня. Только ради нее. Девушки, которой он испортил жизнь.

Он стал припоминать, что говорил Сатору, когда они пришли к нему. Он просил вернуть артефакт. Говорил, что знает способ вернуть *ее*. Может, он действительно знал. Может, он просто сошел с ума, как и все фиолы. Но теперь он мертв, и уже поздно спрашивать об этом.

Они *все* мертвы.

Лежать в гнетущей тишине смысла не было. Часы показывали шесть утра, за окном все еще царилась ночь. Умывшись, Даснор посмотрел на себя в зеркало. Осунувшийся, с черными кругами под глазами, с практически лысой головой и пятном на щеке – зомби, а не человек.

«Жизнь продолжается, – сказал он своему отражению. – Нужно привести себя в порядок».

~~~

Никто не собирался рассказывать Ниджи, зачем она здесь, и это бесило. Геката уклончиво отвечала что-то вроде: «Ты еще недостаточно готова», «Ты должна сама во всем разобраться, иначе ничего не получится», «Истинная сущность магии откроется тебе уже скоро, прояви терпение». Богиня, да скажите же вы уже, что нужно то-то и то-то, она уже на все согласна, лишь бы эта муть закончилась побыстрее!

Несколько недель Ниджи не покидала мира Ордена – идти ей все равно некуда, да и слишком велик был риск нарваться на какого-нибудь озлобленного Файбера Ханта. Здесь же все выглядело относительно безопасно: быстро стало понятно, что никто и впрямь не собирался ее

убивать. На правах элитного гостя девушка вдоволь слонялась по зеленым райским просторам, но по сути – блуждала в потемках собственных мыслей.

Еще она изо дня в день тренировалась с послушницами. Это было трудно – настолько, что занятия с Даснором и другими ребятами начали казаться ей отдыхом. Сестры не зря слыли профессиональными убийцами, и по первости она не могла вообще никого победить, что добавляло ей фрустрации. Ниджи не понимала, как они использовали те или иные приемы – ни в Академии, ни в М.А.Г.Е. ей такого не показывали. Одно ее радовало: проклятие еще ни разу не проявило свою смертоносную сущность – и пусть она не могла победить культисток, она хотя бы не причиняла им смертельного вреда. Впрочем, Ниджи становилась раздражительнее, и сдерживать себя ей стало куда как тяжелее. Огонь понемногу съедал ее изнутри, просясь наружу.

Но больше всего напрягала неизвестность. Какое же задание ей в итоге предстоит выполнить? Пока что у нее не было ни единого поручения. Ниджи решила сама докопаться до истины и занялась самообучением. Начала с легенды о Семерых. Для этого она отправилась в местную библиотеку, где все хранилось по старинке – в свитках и переплетах. Полки высились до небес – в буквальном смысле этого слова. Казалось, содержимое интернета решили разместить здесь в бумажном виде целиком. Поначалу Ниджи вообще не понимала, как здесь что-нибудь можно найти. Однако чем больше магесса узнавала о том, каким законам повинуется ее новый дом, тем быстрее она находила решение для своих задач. Воспользовавшись наблюдательностью и логическим мышлением, – которое, впрочем, иногда отдавало нереалистичным бредом, – девушка постепенно проникалась местной механикой бытия. Библиотека, например, работала так: нужно мысленно задать вопрос, и подходящая книга сама подлетала к ней. И это оказалось куда удобнее, чем тыкаться в ссылки по поисковым запросам!

Дальше приходилось решать языковую проблему – некоторые тексты были составлены на слишком древних наречиях, чтобы в них разобраться. Тогда Ниджи попросила у абстрактного ничего научиться понимать эти закорючки, и – о чудо! – мало-помалу она стала читать строчки, как будто они написаны на ее родном языке. Самыми сложными оказались свитки, созданные, судя по всему, на языке богини: символы были теми же, что она видела на плите в пещере... И что были на ее собственной руке. Анализировать их значение у Ниджи пока не вышло.

Рэм застал ее как раз за очередной расшифровкой, но на этот раз текстов более современных. Тусклый сел за стол напротив Ниджи и подпер руками подбородок.

– Почему ты избегаешь меня? – спросил он.

Это было правдой. С момента церемонии магесса всеми силами сокращала их общение до минимума. Ее мучил стыд за то, что она почти совершила, и еще больше – гнев на то, что совершил Рэм. Он хотел убить Даснора. Он рассказал о ее секрете полицейским. Он оказался в культе, где ему промыли мозги (или, может, он всегда здесь был и скрывал, что шпион?). Этого было достаточно, чтобы ей не хотелось даже смотреть на него.

– Мне нужно о многом подумать. Прости.

– Я... Я просто уже который день хочу попросить у тебя прощения. Что встрял тогда на крыше. Это было самым дурным поступком в моей жизни. Я очень жалею об этом. Теперь и ты, и я – мы оба страдаем от последствий. Мне... Очень, очень стыдно.

Ниджи все-таки оторвала взгляд от книги и внимательно посмотрела на тусклого. Но как же...

– А за то, что сдал меня, тебе не стыдно?

– Что? Нет, это был не я. Я не знаю, как они выведали о тебе. К тому моменту я уже был здесь – даже до корпуса дойти не успел в ту ночь.

– Как ты вообще сюда попал?

– Ну... – Рэм впервые за их беседу ощутил неловкость, и Ниджи уловила это изменение. – Даснор начал на меня охоту. Я был считай что труп.

– Ты мог бы воспользоваться артефактом, – перебила его Ниджи. – И также сбежать, пока можешь.

– Артефакта у меня больше нет. Да и вряд ли я бы рискнул еще раз... – поморщился Рэм. – В итоге... Сестры сфабриковали мое исчезновение. Я не хотел. Но это был мой единственный шанс выжить.

– Не хотел, говоришь? Не похоже, чтобы ты был здесь насильно.

– Не буду скрывать, что в итоге мне здесь... нравится. Вся эта магия, настоящая, истинная! – Глаза Рэма загорелись фанатическим блеском, к большому неудовольствию Ниджи. – И я тоже могу хотя бы немного прикоснуться к ней! Здесь я чувствую себя в центре чего-то действительно важного!

Тусклый заметил критический взгляд подруги и осекся:

– Эй, погоди... Ты думаешь, я шпионю с самого начала? Нет, совсем нет! И я клянусь тебе, что не говорил никому, что ты проклята!

Он явно что-то скрывал, Ниджи знала это. Вся история выглядела достаточно правдоподобно, если учесть общую степень безумия ситуации, но все равно верилось в нее слабо. Поэтому девушка пробормотала что-то вроде: «Я подумаю над этим» – и снова уткнулась в книгу, чтобы не выдать смятения.

Рэм не спешил уходить. Он оглядел библиотеку – величественную, простирающуюся до самих небес – и снова попытался завязать разговор:

– О, ты постигла принципы здешнего обучения! Что читаешь?

– Пытаюсь узнать больше о легенде про Семерых, – вздохнула Ниджи. Богиня, да когда же он отстанет?

– Что нашла?

Ниджи закатила глаза и неохотно протянула:

– Читаю о тех самых дарах – артефактах, которые получили Семеро от матери... Легенда гласит, что любой, кто попадает к матери в Чертоги, может попросить у нее дар, но только для себя. Она может выполнить любое желание, ибо Богиня Света всемогуща.

– Кстати, я тут немного выучил древний язык магии, – перебил ее Рэм, и только сейчас Ниджи заметила, как ее раздражает эта его привычка. – Интересно, что «подарок» можно перевести как «сила». Или даже как «магия». Так что неудивительно, откуда возникла путаница в легендах.

– Легендарные артефакты... – Ниджи всматривалась в изображения на странице. – Пятый Элемент, ритуальный кинжал, шкатулка таматебако, шапка мэрроу, маска Инари, Камень Светлого Дня... И окропленный слезами щит. Видимо, именно поэтому я нужна Гекате, у меня есть один из них. И его никак не забрать.

Только сейчас во время разговора Ниджи поняла все до конца. Вот что такое это загадочное «Освобождение». Вот почему Такеши назвал ее амплифаер благословением. Неужели и он тоже в курсе всей этой кутерьмы? Она почувствовала острую необходимость перекинуться с ним парой слов... Или даже вlepить пощечину за то, что молчал. С другой стороны, с какой бы стати он стал бы все ей рассказывать?

– Но ведь это хорошо и для тебя тоже, – осторожно произнес Рэм. – Если исполненное желание – не метафора, то...

– То это шанс избавиться от проклятья!

От этой мысли внутри Ниджи все восторжествовало. Вот оно! В своем упорстве она дойдет аж до самой богини, если она реально существует. Наверняка это всемогущее создание сможет очистить ее от скверны или подскажет, как это сделать. Даже пускай Ниджи станет тусклой или обычным человеком – это неважно, главное, что она выживет. Видимо, Такеши хочет

того же самого для сестры. Хотя, как гласят легенды, просить Матерь можно о чем-то только для себя. Как же тогда он хочет все это повернуть? Попросит через Ниджи милости всем фиолам? Или пойдет сам, одним из семерых? Может, возвращение чистой магии автоматически означает отсутствие искаженных? Из-за всех этих вопросов ажиотаж Ниджи быстро спал:

– Нет. Слишком хорошо, чтобы быть правдой.

– Почему нет? Матерь любит тех, кто верен ей. Вдруг у вас получится вызволить ее? И она будет благодарна?

– Даже если и так... Что от меня-то нужно? Конкретно? Я ведь проклята. Наверняка я у них на счету как особо изощренное оружие для убийства. А я... Я не хочу этого.

Рэм вздохнул. Вид у него был такой, будто он знал о замысле Гекаты, но ему было запрещено об этом говорить. Ниджи пронзила обида, хотя сцена расправы над небогоугодной Сестрой все еще стояла у нее перед глазами – Рэму было бы явно глупо подвергать себя такой опасности, выбалтывая лишнее направо и налево.

Ниджи посмотрела на свои руки – на перчатку-артефакт и кусочек татуировки. Хотя магесса все же была обижена на бывшего друга, Ниджи ощутила прилив желания поделиться с ним своими догадками.

– Я... Я тут подумала кое о чем... Оба случая... Ну... На крыше дома и медкорпуса... Произошли с голой рукой. Эта перчатка не просто направляет магию, она помогает мне в какой-то мере контролировать ее, справляться со стрессом. Я слышала, как врачи что-то говорили про отсутствие динамики у моих проклятых клеток, так что...

Она замолчала. Ужас осознания нахлынул на нее. Сердце заколотилось пуще прежнего.

– Вполне вероятно, что я с самого начала проклята настолько, что могу убивать.

Рэм будто бы подавил в себе порыв обнять бывшую подругу, но сдержался. Глядя в ее глаза, он сказал ей, глубоко убежденный в своих словах:

– Ты не убийца, Ниджи. Не по своей воле. Просто... Ты очень сильная. Как настоящая Мурсаки.

– Это безумие, Рэм! А что если Геката хочет убедиться, что я готова пользоваться проклятием на всю катушку?.. И без этого меня никуда не возьмут? Неужели, чтобы добиться желаемого, мне нужно будет снова поддаться своей слабости?

– Это не слабость, Ниджи. Это часть тебя.

Эхо из прошлого. Голос Фрейи зазвучал в голове у Ниджи:

Проклятие фиолов – это темная сторона души, с которой боремся мы все. Признай себе, что ты можешь быть плохой. Это не избавит тебя от проклятья, но ты не будешь тратить силы на то, чтобы отрицать его.

Научишься контролировать себя, сможешь продлить жизнь на несколько лет.

Но Фрейя мертва, и ее мнение нельзя считать экспертным. Всего лишь несколько лет. Эта мысль приводила Ниджи в глубокое уныние. Она собрала всю волю в кулак и ответила тусклому твердым, решительным взглядом:

– Чтобы ты знал, Рэм... Что бы ни случилось, я больше никогда не стану использовать свою проклятую силу – даже несмотря на данную мною клятву Ордену. Никогда.

~~~

Даснор вышел из косметологического кабинета более или менее удовлетворенный результатом. В клинике Аюми делали не только пластику тела, но и наращивали и красили волосы: именно здесь молодежь предпочитала обзаводиться перманентной шевелюрой ядерных оттенков и менять ее сразу же, как надоест. Даснор выкинул в ближайшее мусорное ведро купон на десятипроцентную скидку на следующее посещение, и ему на секунду показалось, что голограмма Сакуры Эс смотрит на него с неодобрением. Ему самому было дико находиться здесь, но к зиме вернуть длинные волосы все же не лишне. Тем более что это уменьшало его сходство с ожившим трупом.

На улице дышалось легче. День был погожий: солнце светило ярче, чем обычно, снегопад прекратился. Даснор пересек несколько кварталов и вышел к самому старому нью-токийскому кладбищу, основанному еще во времена первых поселений на реке Сора-но-Сэки. Даснору всегда думалось, что кремация куда как практичнее, но в магическом сообществе суеверно считалось, что если когда-нибудь будет найден способ воскрешать людей, нужно сохранить хоть какие-то останки. То, что по факту получится зомби-апокалипсис, никого не волновало.

Кладбище выглядело безлюдным. Хрустя снегом, Даснор дошел до зоны, где хоронили Омниусов, принадлежавших семье, но не удостоенных чести покоиться в фамильном склепе. Тусклый не был здесь уже довольно давно, но с детства знал дорогу наизусть. И впервые ему нужно было навестить сразу двух покоившихся здесь: Даснор собирался с духом уже достаточно долго, и еще большее промедление было недопустимо.

Тусклый остановился у сдвоенной могилы и так глубоко погрузился в свои мысли, что пропустил приближение Аой – понял по ауре, когда они уже почти поравнялись. Оборачиваться он не стал. Лидер опергруппы положила цветы и встала рядом с Даснором. Аой уступала ему в росте всего несколько дюймов. Небесная слегка дрожала в своем бежевом пальто. На голове был такого же цвета берет – непривычно светлый оттенок делал Аой непохожей на саму себя, обычно грозную и мрачную в черной униформе МАПМЭ. Внимание обоих привлекали два надгробия, между которыми стояла статуя Матери Света, прижимающая к себе крест с дугой. На одном была фотография темноволосой женщины, очень похожей на Даснора. Эльвейт Хант, 1976—2005. На другом – снимок молодого мужчины в форме экзорциста. Алекс Хант, 1998—2025. Призывательница и лекарь. Мать и сын.

– И обе могилы пусты, – вздохнула лидер опергруппы, решившись все же прервать тягучую тишину.

– М?

– Шэдоу завещал свое тело медкорпусу. Он очень хотел найти способ передавать магический потенциал родственникам, поэтому попросил продолжить исследования.

– Даже после всего, что случилось...

– Да.

Сердце Даснора забилося быстрее в тысячу раз. Он ошибался. Всю жизнь он ненавидел своего брата и завидовал его магическим способностям, которые заставляли его, Даснора, чувствовать себя неполноценным. И тем не менее, Шэдоу не оставлял попыток помочь ему, даже когда судьба развела их навсегда. Помочь, несмотря на все страдания, пережитые в детстве. Как это вообще возможно?

Перед его глазами предстал брат, истекающий кровью на крыше, а в ушах звучали его слова – искренние и режущие прямо по сердцу.

«Я ни разу, ни разу в жизни не сказал тебе ничего дурного. Но теперь тебе придется слушать. Ты злишься, потому что знаешь, что я прав. Что ты сломал жизнь всем. Себе, мне, отцу. Матери».

Матери.

Богиня, как же хорошо он все понимал.

Даснор сжал кулаки и сказал:

– Если бы не я, он был жив.

– Это сделала Мурасаки. Я постоянно спрашиваю у Третьего, нашли ли ее. Обычно он отвечает, что они «разберутся». Это может значить что угодно. Так что будь наготове.

– Аой, я... Я согласился убить ее, но... Я не смогу.

Небесная нахмуренно молчала, и Даснор воспользовался возможностью наконец-то выговориться. Хватит уже лжи, Аой заслужила знать всю правду о своем непутевом родственнике.

– Это моя вина, Аой. Я не хотел убивать, но... Я хотел вытащить ее из заточения. Он мешал мне, и я ранил его... Он держал Клетку вокруг Ниджи... Но он не хотел отвлекаться и тратить ману на лечение – и держал барьер до конца, пока тот не взорвался от проклятой магии. Я угрожал убить его. Но Ниджи... Она не виновата. Если бы не я, ничего этого бы не было.

Аой горько вздохнула. Кажется, она знала или догадывалась, как именно все происходило в тот роковой вечер, но не хотела признаваться даже самой себе, что один ее племянник покушался на жизнь другого.

– Тебя просто одолевали эмоции... А она все равно фиолка, Даснор. Она почти убила тебя. Ты только чудом выжил! И пока она не убила кого-то еще, нужно...

– Ее еще можно спасти, Аой! – выпалил Даснор. – Она не хотела убегать, это я выкрал ее – против воли. Она могла воспользоваться шкатулкой, но я не слушал, не верил ей. Я вмешался тогда, когда это было не нужно, и сам отрезал шанс к спасению.

Омниус по-прежнему была мрачнее тучи. Но вдруг какая-то мысль заставила ее брови взлететь вверх. Чародейка спросила пересохшим от волнения голосом:

– Ты... Любишь ее, да?

Тот не ответил. Он сжал кулаки что было сил. Он хотел бы ударить по чему-нибудь, но вокруг были только надгробные камни, которые, конечно же, нельзя ломать. Даснор поборол желание заорать и принялся смотреть в одну точку где-то внизу перед собой, словно это успокоит его.

– Я приношу людям столько страданий. Шэдоу был бы жив, а Ниджи избавилась бы от проклятья... Отец прав, я идиот.

– Не говори так. Файбер несправедлив к тебе. Он ужасный отец, Даснор! Я понимаю, что он самый близкий тебе человек, но он всю жизнь вел себя с тобой просто отвратительно.

– Он имеет право относиться ко мне со всей строгостью.

– Открой ты уже глаза, наконец! Ни у одного отца не может быть адекватной причины, чтобы ненавидеть сына. Внушать ему, что он виновен во всем подряд. Это дико!

Даснор резко обернулся, чем напугал ее. Взгляд его был полон боли, и это заставило небесную испытать настоящий ужас.

– Аой... Я убил ее.

– Что? Кого?

– Ее.

Магесса невольно дернулась. «Ведь она до сих пор не знает правды, – подумал Даснор. – Никто не сказал ей. Дело просто замаяли, а ей было шестнадцать, когда ей навязали семилетнего ребенка. Именно из-за незнания она защищает меня до последнего. Но хватит. Это не может продолжаться вечно. Пусть отец потом раздавит меня об землю, но я сам сыт своим враньем по горло».

– Двадцать лет назад, – нервно сглотнул тусклый, – у матери был легендарный артефакт, который перешел ей в наследство от вашей матушки. Слышала о нем?

– Нет... Я не знаю...

– Ничего удивительного – он проклят. Это камень времени. Он мог возвращать все в прошлое.

Глаза Аой округлились еще больше, а Даснор стал говорить совсем сбивчиво:

– Я не знаю, использовала ли она его или лишь носила как украшение... Может, как-то с его помощью она добилась политического успеха... Но когда она хотела сбежать с нами, чтобы уберечь от отца... Спасти от опытов меня и брата... Сатору бежал с Алексом, а она пошла забирать меня из... Из той комнаты. Но отец увидел нас. Она кричала, что он во всем виноват, а Фрейя внесла разлад в семью. И они начали сражаться. Дом рушился от магии. И...

Ее фамильяр пробил потолок. Она оказалась погребена под завалами. Когда мы добрались до нее... Было уже поздно.

Ему на секунду показалось, что Аой не может дышать – настолько исказилось ее лицо. Но не продолжать было бы совсем жестоко.

– Я бессознательно прикоснулся к амулету, отказываясь верить, что все происходит на самом деле. Время вернулось назад, в разгар драки, и артефакт остался у меня в руках. Я хотел все исправить, но получилось так, что она снова погибла. И еще раз. И еще. Я возвращался дюжину раз, и каждый из них... Я видел ее смерть. В итоге... Она просто исчезла. Растворилась. И я понял, что мне ее уже не вернуть.

Он замолчал с чувством, что и сам умрет сейчас на этом месте. Аой с трудом выдохнула:

– Почему... Почему ты молчал?..

– Отец запретил мне...

– Да какой к черту отец! – взорвалась лидер опергруппы, не утруждая себя прятать слезы. – Отец, который издевался над вами, который готов был убить собственную жену из ревности, – как его вообще можно слушать?! Омниусы могли бы помочь, нужно было сразу же все рассказать!

– Омниусы, которые закрывали глаза на то, что происходит? Которые ненавидели мою мать, внебрачного ребенка от обычного человека? И что бы они сделали?! – кричал Даснор в ответ. – Воспользовались бы амулетом еще раз? Нарушили бы Непреложные Законы? Мне было пять, Аой, ты думаешь, я мог сам решить, что мне делать?!

– Прости... – она осеклась, поняв свою ошибку. – Я... Я...

– Мне было очень страшно, – тусклый понизил тон. – Отец боялся, что кто-то узнает о запретной магии и повесит это на него. Он объявил, что произошел несчастный случай, и запретил мне упоминать об этом. Он пытался забрать амулет. Но что-то мне подсказывало, что его нельзя отдавать ни в коем случае. Я сказал, что если он отберет у меня последнюю вещь матери, я обо всем расскажу – и это испугало его. Пожалуй, это был единственный случай, когда я сам поставил ему ультиматум. – Он печально улыбнулся. – В общем, я носил амулет, как память... Думал, что рано или поздно он позволит мне найти разгадку, но... Все было тщетно.

Он закончил рассказ и взглянул на сестру матери. Щеки и глаза ее были влажными – наверняка при такой температуре их ужасно щипало.

– Даснор...

Он ждал – нет, он был уверен, – что Аой даст ему пощечину. Или арестует прямо на кладбище. Он был готов к чему угодно, уже совершенно все равно, к чему, исход его судьбы не имел никакого значения. Но лидер опергруппы произнесла, всеми силами подавляя в себе боль – самую острую из тех, что она испытывала:

– То, что произошло с Эльвейт, не твоя вина. Любой бы ухватился за возможность спасти себя и близких. Даже призрачную. Ты не знал, что эта вещь опасна и как она работает. Твой отец глубоко неправ, заставляя тебя чувствовать вину за это. В конце концов, тебе и вправду было всего пять.

– Неважно, сколько мне было, – проскрежетал Даснор. – Я знал, что Непреложные Законы нельзя нарушать. Более того, сейчас-то мне далеко не пять, я отдавал себе отчет в том, что делаю!

– Я вижу, что ты раскаиваешься. От того, что ты коришь себя, он... Он не вернется.

– Как же он был прав... – Даснор стиснул зубы что было сил. – Я только и делаю, что живу во лжи. А теперь... Мне больно даже просто дышать.

Даснор был больше не в силах смотреть на заплаканную Аой, потому что сам был готов сорваться в любую секунду. Он снова отвернулся к надгробию и опустил голову. Тусклый ощущал себя странно: с одной стороны, ему стало чуточку легче от того, что он признался

в своих грехах. С другой – озвученные, эти грехи превратились в смертный приговор. Ведь он и вправду не заслуживает того, чтобы жить.

Он невольно вздрогнул, когда небесная тяжело вздохнула и обняла племянника со спины – так сильно, словно своим прикосновением хотела компенсировать их двадцать лет разлуки. Даснор ощутил тепло – но не физический обмен энергией, а какое-то другое, согревающее его замерзшее и рыдающее сердце. Он положил свои ладони на руки Аой и сжал их.

– Я могу понять, как тебе нелегко, но... – негромко сказала чародейка. – Ты справишься с этим, я уверена. Пусть прямо сейчас тебе кажется, что ты виноват перед всеми и не можешь двигаться дальше. Но на самом деле ты очень сильный. Твое упорство, твоё желание бороться во что бы то ни стало делает тебя сильнее любого мага. Но даже сильнейшим нужна поддержка. И если потребуется... Я готова быть рядом.

Даснор усмехнулся:

– Это правда или ты говоришь так, чтобы меня успокоить?

– А какой смысл мне лгать? Ты – единственный, кто у меня остался. Твоего брата нет. Моей старшей сестры нет. Моя младшая сестра потеряна для меня навсегда. Я бы не хотела потерять еще и тебя.

Аой ослабила объятие, и Даснор повернулся к ней:

– Спасибо...

Небесная подарила ему самую светлую улыбку из возможных:

– Мы должны держаться вместе. Поэтому... Если мы найдем Ниджи, я сделаю все возможное, чтобы помочь ей. Обещаю.

Земля словно ушла у Даснора из-под ног. Аой не лжет. Она действительно готова бросить все, лишь бы помочь ему. Она поняла его боль, поняла его поступки, поняла его всего – такого, какой он есть. Похоже, из-за своего отца, из-за «холодной войны» М.А.Г.Е. с МАПМЭ и из-за своей недалёковидности он всю жизнь искал поддержку не там, где стоило бы.

Что-то перевернулось в нем, словно эти двадцать лет он пребывал в психической коме и сейчас, наконец, пришел в сознание.

21 февраля 2026

Битва с Андреа стремилась к ничьей, но в последний момент культистка развеяла пламя, посланное Ниджи, и перешла в рукопашную. Несколько дасноровских приемов – и фиолка отомстила за свое унижение в подворотнях.

Две боевые монашки сражались на площадке, сильно напоминавшей арену Олимпиады Шести Цветов, только в разы меньше. Да и вокруг были не стеклянные хай-тековские строения черно-синих оттенков с дрейфующими в воздухе голографическими текстами, а строгие псевдоантичные колонны и своды. Геката хлопнула в ладони:

– Достаточно. Неплохо, прогресс есть. Но все еще... Нужно работать.

Ниджи ощутила поток небесной магии от дежурной целительницы. Она хотела взорваться от скопившегося негодования, но сдержалась. Очень сложно соответствовать чужим ожиданиям, когда не знаешь, чего именно от тебя хотят. Еще бы чуть-чуть, и она выпустила бы своего домашнего фиола из клетки. Но допустить этого было нельзя. Даже если будет прямой приказ, то она его не исполнит. Впрочем, Сестры не были глупы, и вряд ли кто-нибудь захотел бы видеть разрушительную магию в этом прекрасном, шатком мире.

Ниджи вышла на улицу отдышаться. За порогом храма все так же царил бесконечное лето. Зону с павильонами охватывали ярко-зеленые деревья и пышные кусты с безупречными цветами. Солнце, впрочем, тут работало исправно – возможно, для разнообразия, – поэтому оно принялось клониться к закату. Становилось прохладнее, и Ниджи порадовалась, что на ней был плащ Ордена. За время своего пребывания здесь она изменила отношение к этому предмету одежды, который на поверку оказался весьма практичным. Сшитый из стран-

ной разновидности магических нитей, он был необыкновенно легким и не сковывал движений, а наоборот – делал ее более ловкой. Во внутренних карманах можно было пронести несколько предметов, при этом не ощущая их. Финальным аргументом в его пользу стала особенность «отвода взгляда» – если человек в сером плаще был не в центре чьего-то внимания, то боковым зрением его сложно заметить. А Ниджи нравилось оставаться в тени. По крайней мере, не пугает никого своим кислым лицом.

С разрывающей душу тоской она думала о том, о ком практически не переставала думать, как только она оказалась в относительной безопасности. О Дасноре. О том, какой он на самом деле человек, раз угрожал своему брату. Ниджи не хотела считать его плохим: судя по ругани с Шэдоу, в их ситуации не было правых и виноватых. Разбереди душу Ниджи таким же образом, она сама бы наверняка не сдержалась. Часто нам хочется на волне эмоций убить кого-то вот прямо сейчас, но до дела доходят лишь немногие. Возможно, он так бы и не выстрелил, а Ниджи лишь сама все испортила своим вмешательством. Эта мысль была особенно болезненной.

Магесса спрашивала себя, не стоило ли ей наплевать на все и сбежать с ним? Сейчас она заключена в очередном вымышленном мире, и ни конца ни края нет ее невнятной подготовке к пресловутому Освобождению. Даже если она попросит снять проклятие... Что тогда? Останется ли она Серой Сестрой или ее отпустят? Рискнет ли она уйти сама, если нет? Ниджи совсем не горела желанием оказаться на месте той сестры, Розалин, и поменять свободу на отрубленную голову. Как жаль, что она мало думала о столь отдаленных перспективах вступления в Орден. Быть здесь и постигать невиданные ей доселе границы магии было настолько трудно, что зубы сводило от досады. Ведь она просто могла сбежать. С тем, кого она так томительно хотела увидеть снова. Казалось, это незамысловатое желание мучило ее больше, чем проклятье.

Ниджи почувствовала, словно что-то тянет ее к одной из белоснежных площадок под круглым куполом. Не особо сопротивляясь, она поддалась волшебному потоку и вскоре обнаружила себя рядом с незрячей сестрой Райан, с которой познакомила ее Геката в первый же день присутствия здесь. Из-под ее капюшона была видна закрывающая глаза полумаска, в которой причудливо сочетались неприветливость темно-серой ткани и нарядность карнавальных украшений.

– Сумеречного вечера тебе, сестра Виттория. Нет возражений, если я задам тебе пару вопросов?

Та пожала плечами – и вспомнила, что надо бы сказать что-то вслух, ведь послушница была слепа. Однако Ниджи не успела произнести и слова, как Сестра кивком показала ей на лавочку рядом с собой в беседке. Она поняла ее, ничего не видя? Или это был ультиматум с ее стороны? Как бы то ни было, Ниджи села на скамью, шурша своим новым плащом.

– Что вам угодно, сестра Райан?

– Хотела узнать, как продвигается твое обучение. Возможно, тебе нужна какая-то помощь?

– Благодарю, но, пожалуй, нет. Свет укажет мне дорогу, – вежливо ответила Ниджи.

– Звучит, как будто ты не сильно веришь в это.

Чертовы зеленые. И она еще недоумевала, как Такеши раскусил ее с самого начала. Ниджи помрачнела и сбросила остатки вежливости:

– Как по мне, тут слишком много эзотерики.

Пожалуй, не стоило так резко выразиться при магессе, которая наверняка входила в узкий круг доверенных приспешниц главы Ордена. Но, на удивление, сестра Райан кивнула, будто бы соглашаясь. Что она думала на самом деле, было неясно. Голос сестры был лишен каких-либо интонаций.

– Я чувствую, что ты не принадлежишь культуре. Что ты не веришь в его цели, в его предназначение. Не понимаешь, какая великая роль уготована тебе.

Ниджи помолчала. Ей казалось, что если она скажет хоть слово – неважно какое, – это приведет к вывернутым наружу кишкам. Конечно, она была для Гекаты ценной добычей, что давало ей своего рода неприкосновенность, но осторожность не помешает.

– Страх, – вдруг сказала Райан, впрочем, без особого упрека. – Страх и отвращение. Вот что движет тобой на самом деле. Ты хочешь избавиться от своей магии, и все происходящее здесь тебе глубоко противно.

– Да, вы правы, – ошетибилась Ниджи. – Все просто. Я боюсь смерти. Я делаю все это только потому, что очень не хочу умирать.

– Именно поэтому ты не теряешь бдительности и стараешься подвергать сомнению все происходящее? – Сестра скорее утверждала, чем спрашивала.

– Один раз я уже была в иллюзорном мире. Этот вполне может оказаться таким же бредом сумасшедшего.

– Удивительно. Ты ведь практически в центре великих чудес. Они перед твоими глазами. Это может освободить тебя по-настоящему, но ты продолжаешь сопротивляться. Невосприимчивая. Блуждающая во тьме.

– Странно слышать это от вас.

«Отлично, теперь я еще и хамка, – смуро подумала Ниджи. – Из-за этих фиолетовых клеток я становлюсь просто невыносимой». Магесса приготовилась к буре негодования, но в голосе послушницы едва ли проскочила нотка задетой гордости:

– Быть может, я слепа, но порой я вижу больше, чем другие.

Райан откинула голову, словно хотела узреть закатное небо:

– Скажи, Ниджи Мурасаки, каков для тебя этот мир? Кем ты видишь себя в нем?

Элементалистка дернулась, услышав свое настоящее имя, которое она уже начала подзабывать. Девушка уставилась на бегущие облака. Что же она видит? Покрасневшее небо; пурпурные тучки далеко-далеко, почти у самых гор; ветер шевелит траву. И все это пронизано магией. Настолько сильной и концентрированной, что ее почти видно. Если в нее поверить – возможно, это раздавит ее, Ниджи, прямо на месте, перевернув в голове все, что она знала до этого. Ей было удобнее считать, что она в коме, или живет в спасительном дурмане, или попала в сверхреалистичную MMORPG – что угодно, чтобы не осознавать, что есть в мире нечто гигантское, нечто не поддающееся... ничему.

– Госпожа ведь говорила тебе, что этот мир практически полностью раскрывает магический потенциал? – спросила Райан. – Я вижу, как энергия танцует здесь в воздухе, воде, земле. Как любой желающий может взять ее в свои руки – и слепить все, что пожелает. Именно так живут сородичи Богини Света. Для них вся магия – естественный процесс, как для нас кровообращение или дыхание. Здесь каждый творец. Здесь не нужно себя сдерживать. Каждый получает ровно то, что он хочет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.